

СЕРИЯ МУР

ТАМ, ГДЕ УМИРАЮТ
ТЕНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сения Мур

Там где умирают тени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72035617

SelfPub; 2025

Аннотация

Всю жизнь Клариса Колд оставалась тенью, обречённой на отсутствие чувства собственного достоинства. Даже родная семья не принимала её как свою. Но неожиданно в тихом городке, где царил спокойная рутина, раздаются звуки насилия – возникают убийства. Именно в этот момент Клариса получает таинственное приглашение от убийцы, он бросает ей вызов: пари, где на кону стоит её жизнь.

Запомните, в этом опасном танце нельзя позволить себе влюбиться в мимолётные удовольствия и мечтательные фантазии. Это игра на выживание, где мрак и свет переплетаются, а каждое решение может стать роковым. Клариса, обречённая на непонимание и изоляцию, вдруг оказывается в центре событий, определяющих не только её судьбу, но и судьбы многих других. Вихрь страстей и опасностей пробуждает в ней неожиданную смелость, заставляя её противостоять не только убийце, но и самой себе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сения Мур

Там где умирают тени

Глава 1

В полумраке комнаты, звенела тишина, лишь шепот шелка, подобный вздоху увядающей розы, и хриплое дыхание, звучавшее как стон загнанного зверя, нарушали томную тишину. Воздух, казалось, застыл в ожидании.

Его руки, судорожно и нетерпеливо проходились по изгибам её бёдер, зажигая под кожей фейерверк мурашек. Искры пробегали по всему телу, словно от прикосновения к оголенному нерву.

Очередной тихий стон вырвался из её груди. Рыжеволосая бестия, с надменностью королевы, прожигала взглядом черноволосого мужчину. Её глаза, две бескрайние чёрные бездны, алчно пожирали каждый миллиметр его лица и шеи. В ней чувствовалась дикая грация хищницы, готовой к прыжку, но сдерживаемой невидимой уздой.

«Остановись, мгновение!»— словно шептала она, борясь с бушующим внутри пламенем.

Нога, внезапно вонзилась в его грудь, отправляя мужчину в свободное падение на пол. Из его уст сорвался разочарованный вздох, похожий на скулёж, выглядело это всё, как последний выдох умирающего гладиатора.

В этот момент он был повержен, его гордость растоптана, и он полностью принадлежал лишь ей одной.

– На колени, – прошелестел тихий, но властный приказ рыжеволосой девы. В ее голосе звучала сталь, обернутая в бархат ночи.

Он рухнул на колени, ища спасения в ее тени. Щекой прильнул к мраморной икре, словно к алтарю, осыпая нежную кожу трепетными поцелуями. Его руки, ведомые невидимой силой, поползли вверх, как лианы по стволу древнего дерева, достигая подола шелковой рубахи, что в мерцающем свете свечей казалась сотканной из лунного света и звездной пыли. Каждый его жест был мольбой, каждая клеточка тела – покорностью, а в глазах плескалось отчаяние, подобное бушующему морю.

Холодные, чуть шершавые губы чертили на коже призрачный путь поцелуев, высекая искры желания в самой глубине ее души. Пальцы, крадучись, как воры в ночи, скользили к

шелковой границе белья.

Рыжеволосая богиня, восседающая на троне из смятых простыней, впиалась побелевшими пальцами в ткань, словно пытаясь удержать ускользящий миг.

В его глазах плескалась мольба, бездонная и отчаянная, как у голодных детей Бертольда, просящих милостыню у черствых сердец горожан.

«Подайте хлеба, молим!» – кричали они, но он, его взгляд просил лишь толику ее милости, разрешения.

Она купалась в ощущении всевластия. Контроль опьянял, сильнее чем терпкое вино. Контроль над ситуацией. Над ним.

Рыжеволосая фурия, мучительно медленно, как будто даря последнюю надежду умирающему, кивнула. И он, словно сорвавшийся с цепи зверь, бросился в ее объятия.

Хлопок. Сердце, мечется в груди, отбивая безумную четку. Клариса, судорожно хватаясь за грудь, жадно ловит воздух, словно выброшенная на берег рыба. Щеки вспыхивают нежным пламенем, а руки трепещут в неудержимой дро-

жи.

«Снова этот сон...»

Клариса зажмурилась, отчаянно пытаясь захлопнуть дверь в этот кошмар, изгнать из памяти навязчивые видения. Но едва веки опускаются, погружая ее в темноту, как перед внутренним взором вновь всплывают его руки – призрачные, невесомые, скользкие по коже, как лунный свет по глади озера. И тихий шепот слов, едва различимый сквозь умиротворяющее потрескивание пламени свечей, – слова, что жгут сердце, то что она никогда бы не смогла сотворить.

Эти сны заполняли её ночь, и каждое утро она просыпалась с горьким ощущением утраты, будто что-то важное ускользало от неё наяву.

Она свернулась калачиком, прижимая дрожащие колени к груди, будто пытаясь оградиться от фантомного врага. Но враг ли он? Днём она грезилась о нём, лелеяла его образ в глубинах сознания. Годы он был её навязчивой тенью, преследовал в грёзах и бодрствовании. Но тени не отступали. Они, словно чернила, просачивались в каждую трещину её души, заставляя сердце трепетать. Обжигающее пламя страха и томления разливалось по телу, превращая её в живой костёр.

Каждое утро Клариса силой воли изгоняла призраков ночи, но с первым же сумеречным вздохом тьмы знакомый кошмар возвращался, сплетаясь с мучительным желанием.

– Почему сны так цепко держатся за меня? – прошептала она, поднимаясь с постели.

Девушка считала, что ей нужно было вернуть контроль над своей жизнью. Она выбрала быть сильной, несмотря на тягучую тоску, заполнившую её разум. Может, завтра, когда рассвет коснётся её лица, этот сон наконец исчезнет.

– Кажется, я схожу с ума, – прошептала Клариса, словно зачарованная, устало прикрывая глаза, цвета воронова крыла.

Дверь в её покои распахнулась, и на пороге возникла Мила, излучавшая сияние утренней зари. Кларису вновь опалило румянцем, будто её застали врасплох, за самым сокровенным. Ах, если бы милovidная сестра могла хотя бы на миг проникнуть в те грезы, которые посещали старшую Колд каждую ночь, то её невинное сердце непременно содрогнулось бы от шока.

Клариса осмотрела младшую сестру. Длинные светлые во-

лосы волнами струились по спине, а ясные голубые глаза искрились радостью и восторгом. Девушка выглядела безукоризненно в своем светлом домашнем платье, рюши подчеркивали её стройную фигуру и тонкий стан.

Сердце Кларисы болезненно сжалось. Сестра выглядела словно мечта. Белая почти что фарфоровая кожа, без веснушек, длинные ресницы, глубокие глаза, тонкие губы, аккуратный носик. Рыжеволосая дева была полной противоположностью. Розоватая кожа, куда не посмотри, а всё тело было в веснушках, пухлые губы и курносый нос.

«Я не должна завидовать своей сестре».

Не успела она вымолвить и слова, как звонкий голосок блондинки, словно трель малиновки, радостно защебетал:

– Платье! Госпожа Ролтс привезла наряды, достойные самой королевы!

Восторг волной захлестнул Милу, предвкушение заиграло искрами в её глазах. Слабоватая улыбка расцвела на лице Кларисы. Поднявшись с кровати, она ощутила ледяное прикосновение пола к ступням, но это не омрачило её пыл. Хотя тревожные сны до сих пор не отпускали.

Нежно, она погладила блондинку по золотистым волосам.

– Тогда, моя дорогая, я мигом соберусь, и мы отправимся лицезреть их.

Клариса понимала: в сердце Милы пылает огонь желания быть самой блистательной, ведь совсем скоро её ждет дебют, выход в свет, где она подобно распускающемуся бутону стареет прекрасным цветом.

Девушка бросила взгляд в зеркало, тщетно пытаясь удержать ускользающие тени зависти, словно песок сквозь пальцы. В холодном отражении она видела лишь бледные отблески усталости и смутные очертания внутренней бури. Пока Риса облачалась в платье, сердце её тревожно сжималось. Светские мероприятия она ненавидела всей душой – этот змеиный клубок шепота и фальшивых улыбок, где каждый взгляд словно игла, готовая ужалить за малейшую слабость.

Мила же, напротив, была полна жизни и надежд, готовая блистать на балу, предвещаая перемены. Бал, который, как ей казалось, должен был стать "звездным часом" её судьбы.

– Ты будешь великолепа, – прошептала Клариса, с трудом отрывая взгляд от призрачного подобия себя в зеркале.

Она должна была, обязана была желать Миле триумфа, ведь этот вечер – врата в её новую жизнь. Клариса знала, как важен этот бал для сестры. Но ядовитая змея зависти, свернувшись кольцом в груди, душила остатки добрых чувств.

В свои годы девушка пережила оглушительный провал на дебютном балу. После него она целую неделю была узницей собственных покоев, сломленная. И вот, это жгучее воспоминание, будто соль на открытую рану, вновь вспыхнуло с новой силой.

Клариса была уверена, Мила затмит всех своей красотой, станет путеводной звездой, сияющим солнцем, в то время как сама Клариса – лишь жалкая, бледная тень, обреченная вечно скользить по стенам, не смея коснуться света.

Рыжеволосая бестия тряхнула головой, пытаясь сбросить с себя липкую паутину мрачных мыслей.

Когда сестры вышли в коридор, свет, словно плеснувшая в лицо ледяная вода, обжег глаза Кларисе, еще не до конца пробудившейся от власти Морфея. Мила, не обратив на то, как сестра поморщилась, подражая неугомонному воробью, трещала без умолку, рассказывая какие-то утренние новости, но мысли старшей Колд, подобно навязчивой мелодии, вновь и вновь возвращались к призрачным теням сно-

видений, преследовавших её, словно гончие псы свою жертву. Так, погруженные каждая в свой мир, они достигли гардеробной.

В гардеробной сиял ослепительный свет, выхватывая из полумрака два манекена, застывших в центре. Перед ними, точно волшебница, колдовала мадам Ролтс. Женщина была уже давно не молода, она низенькая, пухловатая с мягкой округлостью форм, и словно серебряной короной туго затянутых в пучок волос, но каждый раз, когда она боролась за работу, её глаза сверкали как у ребёнка.

Хозяйка самого именитого ателье Бертольда, чье имя звучало как шепот роскоши, обернулась на звук отворившейся двери. Увидев своих клиенток, она поспешно отступила от манекенов, представляя девушкам свои творения. В её взгляде мелькнула тень виноватой растерянности, которую Клара уловила. Предчувствуя недоброе, она бросила взгляд на оба платья.

Слева, словно сотканное из утренней лазури, парило платье нежнейшего голубого оттенка. Сапфировые искры камней, в россыпи украшавших его, нашептывали о бескрайних морских далях, о вечном колыпании волн. Легкое, воздушное, оно обнимало манекен, как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб, будто мастерски вылепленный скульптором.

В нем читалась сама квинтэссенция света и свободы, казалось, что мадам Ролтс поймала луч солнц и заключила его в шелк.

А справа... справа не платье, а сплошная бездна серости. Оно, тусклое и бесформенное, словно выцветший от времени саван, ниспадало прямым, безжизненным полотном, лишая даже безупречную фигуру манекена намека на индивидуальность.

«Словно наряд для безликой тени», – пронеслось в голове Кларисы.

Волна досады, горькая и всепоглощающая, захлестнула ее с головой, отравляя все вокруг. Конечно, именно это серое убожество предназначалось для нее. Судьба, казалось, в очередной раз злобно усмехнулась, подбрасывая ей этот комок разочарования.

Мадам Ролтс, словно боясь спугнуть бабочку, коснулась плеча Кларисы, уловив в её взгляде бурю невысказанных слов. Рыжеволосая дева осталась неподвижной, лишь тихо прошелестела:

– Почему?

Этот вопрос, полный тоски и смирения, сжал сердце Изабеллы Ролтс. Она видела всякое, работая с аристократией, но никого ей не было так мучительно жаль, как старшую дочь Колд – эту увядающую розу в тени чужой воли.

– Клянусь вам, дитя моё, я готовила для вас совсем иной наряд... Нечто, достойное вашей красоты. Но ваша матушка настояла на этом, – произнесла она, словно вынося приговор.

«Опять матушка,»– этот невысказанный вопль души Кларисы повис в воздухе.

Девушка чувствовала, как чья-то невидимая рука сжимает её горло, лишая возможности дышать.

«За что?»– кричал беззвучно её взгляд, устремленный в никуда.

Почему самый родной человек превратился в палача её надежд, в творца её несчастья? Этот вопрос эхом отдавался в её сердце, не находя ответа.

Внезапно, словно удар хлыста, за спиной рыжеволосой Кларисы раздался елеинно-насмешливый голос:

– Ах, Клариса! Что за прелесть! Это платье словно сотка-

но для тебя. Оно так трогательно оттеняет твое... кхм... прозвище, что уже который год, как ядовитый плющ, оплетает светские гостиные. Бледная тень Колд. Как говорится, "знай свое место".

Клариса мгновенно окаменела, узнавая этот голос, пропитанный ядом и презрением. Обернувшись, она утонула в насмешливой синеве глаз, что напоминали осколки льда. Аманда Блу. Близкая подруга Милы, их кухня.

Ее черные волосы, собранные в безупречный пучок, подчеркивали острые грани лица, а глубокие глаза казались бездонными колодцами, скрывающими тьму. Неизмеримо красива снаружи, неизмеримо прогнила внутри.

«Красота – это дар, но не всем дано им правильно распорядиться», – подумала Клариса, ощущая, как привычная волна ненависти захлестывает ее.

Старшая Колд окидывала взглядом гардеробную, выскивая младшую сестру, ту единственную, что могла утихомирить эту взбесившуюся фурию. Но Мила, словно тень, растворилась в воздухе, оставив Кларису один на один с надвигающейся бурей. Девушка выдохнула, пытаясь обуздать рвущихся на волю демонов, заключенных в клетке самообладания.

Мадам Ролтс, с чутьем старой лисицы, почуяв приближение грозы, склонилась в приветствии перед Амандой, надеясь переключить её внимание на свою персону. Но брюнетке было плевать, она пригвоздила своим насмешливым взглядом рыжую кузину, не собираясь отступить ни на йоту. В её глазах плясали искры недоброго огня, предвещая скорый пожар.

– Неужели и ты явишь себя на этом вечере? – пропела Блу, словно кошка, играющая с мышью. – Ох, предвкушаю это зрелище: ты, словно загнанный зверёк, вновь прижмёшься к стене в своём привычном одиночестве.

Клариса почувствовала, как слова Блу, как ледяные иглы, вонзаются под кожу. И ведь не поспоришь – Аманда била точно в цель. Ни один вечер не обходился без того, чтобы Клариссу демонстративно игнорировали, не достаивая даже мимолётным приглашением на вальс. Ирония судьбы заключалась в том, что старшую Колд эти светские рауты претили, она чувствовала себя там чужой, словно птица в золотой клетке. И Аманда об этом прекрасно знала.

– Возможно, мне стоит остаться в поместье, – проронила Клариса, тише чем она на это рассчитывала.

Аманда вскинула бровь, изогнув её в презрительной дуге:

– И повергнуть всех в недоумение? "Что за диво? Сама отшельница соизволила отказаться от пиршества?" Неужели ты готова лишиться их этого захватывающего аттракциона – созерцания твоей неловкости?

Клариса уже готова была выпустить жало сарказма, оцетиниться против этой дерзкой выскочки, когда их словесную дуэль разорвал голос, прокатившийся за спиной. Мягкий мужской баритон, от которого сердце в груди встрепенулось и забилося так, будто хотело вырваться на свободу.

– Позволю себе усомниться, что столь очаровательная дама останется сегодня вечером в одиночестве.

– Кристиан! – выдохнула Клариса, словно имя это было тайным заклинанием, и вся злость на Аманду растворилась, как дым в лучах восходящего солнца, оставив лишь трепетное ожидание.

Рыжеволосая девушка обернулась, и её взгляд, будто заяц, угодил в капкан его глаз. Безупречный костюм облегал спортивную фигуру, выточенную, казалось, из камня, а он сам, словно древнегреческий бог, небрежно опирался спиной о стену. Идеально уложенные каштановые волосы, как застыв-

шие волны, обрамляли лицо, а в глубине теплых, медовых глаз плескалось недовольство, когда он смотрел на Блу. Но стоило ему перевести взгляд на Кларису, как лёд в его взоре таял, уступая место солнечному теплу.

Вот он – тот, кто крадется в её сны, словно ночной вор, похищая покой и разум. Тот, кто, словно опытный ювелир, выковал из её сердца драгоценность и завладел ею навеки. Кристиан Дан – её лучший друг, её проклятие и благословение, заключенные в одном лице.

Волна воспоминаний о сновидении сегодняшней ночи обрушилась на неё, словно морской шторм. Жар его губ, запечатлённый на коже, всё ещё пылал, а умоляющий взгляд из сна, казалось, застыл в памяти.

По лицу разлился румянец смущения, не укрывшийся от пронизательного взгляда мадам Ролтс, которая с тихой грустью вспомнила свою собственную цветущую юность.

Клариса, словно нашкодившая девчонка, спрятала пылающее лицо в копне непокорных рыжих кудрей. Аманда же на появление Кристиана отреагировала лишь презрительным фырканьем, будто кошка, которой на хвост наступили.

Дан мягкой походкой приблизился к подруге. С каждым

шагом сердце в её груди отбивало безумный ритм, грозясь вырваться наружу. Он нежно перехватил её ладонь и бережно отвёл от лица, желая развеять её смущение. В уголках его губ заиграла тёплая, словно летнее солнце, улыбка. В этот момент Клариса была готова провалиться сквозь землю. От прикосновения его руки по телу пробежала искра, словно от удара молнии, превращая кровь в кипящую лаву.

– Что значат твои слова? – вопрос Кларисы прозвучал, как хрустальный колокольчик, разбивающий тишину вечера. – Тебя освободили от службы?

Кристиан Дан, хоть и младший сын угасшего рода, чей герб теперь покрывался пылью забвения, служил инспектором в городе. Ум его был остер, словно клинок, выкованный лучшими мастерами, но ни звон монет, ни титул не обременяли его. Семья его, подобно кораблю, потерпевшему крушение, ушла на дно финансовых морей, оставив после себя лишь обломки былой славы. Но, подобно фениксу, он восстал из пепла, сохранив в своём сердце благородство и честность.

– Всё верно, – ответил Кристиан, и в голосе его звучала мелодия надежды. – Я упрямился о замене, отринув все дела, чтобы провести с тобой это время.

Клариса взволнован пыталась усмирить дыхание. Слова Кристиана, были для неё как первые лучи солнца после долгой ночи, проникали в ее сердце, растапливая лед одиночества. Он был другом, самым близким ее сердцу, маяком в бушующем океане жизни, и его присутствие было подобно глотку свежего воздуха в душной комнате, рядом с плюющей ядом Амандой.

Аманду тошнило от этой приторной идиллии, от того, как "голубки" упивались друг другом, словно два мотылька, зачарованных пламенем.

Смешок, острый, как битое стекло, прорезал тишину, заставив их обернуться:

– Ах, какая прелесть! Вы словно созданы друг для друга – тень в сером одеяние и нищий инспектор. Идеальная пара для того что бы посмеяться!

Кристиан сжал кулак. Её слова были подобны лезвию, скользящему по нервам. Но он помнил – поддаться на провокацию, значит, проиграть.

Лишь насмешливо, точно кошка, играющая с мышкой, он обвел Аманду взглядом своих карамельных глаз, задерживаясь на её вызывающе глубоком декольте.

– Лучше быть "нами", пусть даже и тенью, чем кричать о себе подобным нарядом, моля о внимании, как нищий о подавании, – промурлыкал Дан, вкладывая в каждое слово яд.

Клариса не смогла сдержать смешка, от того как в рифму он ей ответил.

Аманда вспыхнула, как порох от искры. Задрав подбородок, словно королева, презирающая плебеев, она с показным презрением закатила глаза и, гордо выпрямившись, покинула помещение. Следом за ней, крадучись, как мышь, исчезла и мадам Ролтс, оставив Кристиана и Кларису наедине.

Клариса одарила Дана робкой улыбкой, тщетно пытаясь усмирить трепет, вспыхнувший от его близости. Отстранившись, она позволила неловкой полуулыбке расцвести на губах.

– Как ты лихо приструнил эту змею!

Кристиан расхохотался, и, взъерошив рыжие волосы девушки, с притворным сарказмом промурлыкал:

– Да брось, не стоит благодарности.

Их смех слился в унисон, словно два ручья, бегущих на-

встречу друг другу. В эти мгновения рядом с Кристианом Клариса сбрасывала оковы, она ощущала себя птицей, выпущенной из клетки. Здесь не было гнетущего давления аристократических условностей, удушающей зависти к Миле, необъяснимого материнского гнева. С ним она могла быть собой – настоящей.

Кристиан заметил, как Клариса ускользнула в лабиринт собственных мыслей, и, словно по наитию, игриво взъерошил непокорные рыжие кудри, рассыпавшиеся по её плечам, цвета осенней листвы. Его улыбка была маяком в бушующем море сомнений.

– Знаешь, одежда – это просто маска, а суть остается неизменной. Что бы ты ни надела, ты остаешься собой. А ты – чистый алмаз, Клариса.

Его слова коснулись её сердца, будто теплый луч солнца, растопивший лед неуверенности. Смущенно потупив взор своих бездонных черных омутов, она прошептала:

– Спасибо...

«Может быть, всё не так уж и плохо» – робкая мысль, как хрупкий росток, пробилась сквозь тернии отчаяния.

Глава 2

– Что это?! – ахнула Мила, в голосе её зазвенела тревога. Глаза её с ужасом впились в платье, уготованное для Кларисы к грядущему торжеству, затеянному властной рукой их матушки.

Всего два дня миновало с той поры, как Кристиан, объявил о своем намерении посетить это мероприятие.

Рыжеволосая дева, подобно любопытной лисице, заглянула через плечо младшей сестры в коробку. То, что представало её взору, было чудовищным оскорблением вкуса. Вместо привычных серых одеяний, её ждало нечто воистину из ряда вон – тряпка в тошнотворный горох серо-буро-малинового оттенка, увенчанная отвратительными, кричащими, словно раненные попугаи, ядерно-салатовыми бантами, способными вызвать приступ дурноты у любого, кто хотя бы краем души знаком с понятием элегантности. Это было похоже на костюм предвоенного шута, но никак не наряд для юной девушки.

«Я жаловалась на серые платья? Беру свои слова назад», – подумала Клариса, осознавая абсурдность ситуации.

Никто, как ей казалось, из здравомыслящих людей не наденет такое. Лицо Милы, полное недоумения и отвращения, лишь подтверждало её мысли.

– Сестричка, это какая-то ошибка, – пробормотала блондинка дрожащим голосом, обращаясь к старшей сестре. – Я сейчас же отправлю кого-нибудь к мадам Ролтс.

Не успела Клариса вымолвить и слова, как мать поставила чашку на стол. Звякнувший фарфор эхом пронесся по комнате, заставив девушку вздрогнуть, словно от удара хлыстом. Холодок предчувствия змеей скользнул по спине, оплетая сердце липким страхом.

«Сейчас в очередной раз она выскажет всё недовольство в мою сторону», – пронеслось в голове Кларисы.

Она устала от этих вечных нотаций, от материнской тирании. Каждая попытка достучаться до матери превращалась в бессильное бормотание перед каменной стеной, глухой и непреклонной.

Женщина заговорила с ледяным спокойствием, в котором слышалась сталь:

– Времени на сантименты нет. Ошибка лишь в мимолет-

ном капризе цвета и узоре, а суть осталась прежней, размер не изменился.

Клариса вскинула взор, иссиня-чёрные омуты глаз встретились с материнскими голубыми очами. Светлые локоны, словно солнечные зайчики, сбегали с плеч, вторя облику младшей сестры, Милы. Неизбывное сходство матери и дочери всегда рождало в душе Кларисы вихрь противоречий. Она, словно воробей среди райских птиц, выделялась на их фоне, и порой казалось, что рыжеволосая дева и вовсе им не родня.

В пору юношеских грёз сердце Колд старшей часто терзала крамольная мысль: а не подкидыш ли она? Но, вызывая в памяти образ отца, с его пламенной шевелюрой, она гнала прочь сомнения, словно назойливую мошку.

Лицо матери, выточенное из слоновой кости, хранило печать невозмутимости, лишь паутинки морщин у глаз выдавали бег времени. В свете софитов светской жизни госпожу Натали неизменно принимали за старшую дочь семейства Колд, и эта ошибка ранила острее кинжала. Легче было поверить в колдовское бессмертие почти нестареющей женщины, чем признать родство с блеклой девицей, чьи рыжие волосы казались отблеском угасшего костра.

Натали вперила в дочерей взгляд, холодный и неподвижный, как ледник:

– Просто надень это и иди.

Клариса замерла. Мать, как всегда, осталась безучастной, и в сердце девушки зародилась ледяная пустота. Зачем она вообще до сих пор питает какие-то надежды?

Робкая ладонь младшей сестры скользнула по ее спине, словно пытаясь унять бурю, но иглы разочарования вонзились в грудь, отравляя душу ядом.

«Матушка никогда не видела во мне ничего, кроме досадной помехи» – пронеслось в голове Кларисы.

«Мои беды для нее – лишь звук, не заслуживающий внимания»

В рыжей голове вспыхнул образ Кристиана, родной и любимый, словно маяк в бушующем море сомнений. Его улыбка – солнечный зайчик, согревающий душу, а взгляд – два тёплых озера, отражающих безмятежность.

Вспомнились его слова, всегда такие мудрые и обнадеживающие, как бальзам на израненное сердце. Тепло разлилось

по венам, как янтарный мёд, растопив лёд одиночества.

«Он прав... Это всего лишь наряд,»

Но червь тревоги продолжал грызть изнутри. Снова этот страх – быть выставленной напоказ, стать клоуном на потеху толпе.

Однако мысль о Кристиане, её верном друге, была якорем, удерживающим от бездны отчаяния. Знала, что в этот миг он будет рядом, его поддержка – словно щит, отражающий стрелы злых языков.

Званный вечер. Дамы и джентльмены, словно экзотические птицы в оперении из шелка и бархата, величаво скользили под чарующие звуки оркестра, потягивая искрящееся шампанское – жидкое золото в тонких бокалах.

Натали Колд, хозяйка поместья, как всегда, превратила свой дом в ослепительный дворец. Каждая деталь, от хрустальных люстр до серебряных канделябров, сияла безупречным блеском.

Недаром говорили, что в её руках даже серый камень на-

чинал искриться, а имя её звучало как музыка в высшем свете. Она была той самой "львицей светского общества", чей рык мог заставить трепетать сердца и чье обаяние было оружием неотразимой силы.

– Боже правый, взгляните! – прошептала одна из леди, и в голосе её звучало благоговение, какое испытывают, узрев ангела, спустившегося с небес.

Взоры всех присутствующих устремились к ней, к незабвенной блондинке, затмившей собой всех.

Муслиновое платье, сотканное, казалось, из лунного света, облегалo её стан подобно туману, ласкающему утреннюю зарю. Каждый шаг рождал волну, и ткань ниспадала каскадом, превращая движение в танец, исполненный грации и неземного очарования. Волосы цвета спелой пшеницы были собраны в высокую причёску, увенчанную россыпью заколок в форме лазоревых незабудок, будто сама Весна вплела их в её локоны, дабы подчеркнуть невинность и юность, пылающие в её очах.

Вокруг Милы, как рой мотыльков, вились кавалеры, сражённые её красотой наповал. Её дебют в высшем обществе произвел эффект, заставив аристократические сердца биться чаще.

– Шепчутся, что это вторая дочь Клодов, мисс Мила, – прозвучал шёпот среди знатных дам.

– Клянусь небесами, она само совершенство! – выдохнула одна из них.

– А что насчёт первой дочери? Мисс Клариса, кажется?

– Уверена, она столь же ослепительна, как и её младшая сестра!

Словно стая грифов, почуявших падаль, знатные дамы принялись рыскать взглядами по залу, выискивая жертву для своих ядовитых пересудов. И вот, их взоры, острые, как бритвы, зацепились за ничем не примечательную рыжеволосую девушку в углу.

Клариса скромно склонила голову, прячась от града злобных взглядов, избегая встречи с их искажёнными лицами. Высокомерные брови поползли вверх, словно гусеницы. Клариса, в этом нелепом платье, казалась белой вороной на фоне общего великолепия. Она походила на циркового шута, облачённого в лохмотья, чем на благородную девицу.

"Как можно было допустить такую безвкусицу?" – без-

молвно вопрошали их лица, источая презрение.

– Это платье...

– Боже...

Шёпот, пропитанный ядом осуждения и презрения, окутал Кларису. Каждый звук был подобен удару по лицу, разрывающему её душу в клочья.

«Замолчите... замолчите», – бешено пульсировало в её сознании, как раскалённое клеймо.

Ногти впивались в ладонь, словно пытаясь вырвать из неё дрожь отчаяния.

Зажмурив глаза Клариса тщетно пыталась воздвигнуть стену между собой и злобной какофонией толпы. Обида и стыд, подобно цунами, обрушились на неё, грозя смыть последние остатки достоинства.

«Это не моя вина, что платье оказалось другим!» – крик души, застрявший в горле, словно кость, не давая ни вздохнуть, ни оправдаться.

Как ни пыталась Клариса оградиться от ядовитых взгля-

дов знатных дам, они, вонзались в её сердце, оставляя кровоточащие раны. В памяти всплывали слова Кристиана, твердившего о том, что истинная красота – не в наряде. Но в этом змеином логове, где зависть и жестокость сплелись в удушающий клубок, слова его звучали фальшивой нотой, пустой попыткой успокоить жалкую тень семейства Колд.

«Неужели я должна платить такую высокую цену, страдать и унижаться, из-за ничтожного несовершенства моего платья? Разве можно измерить ценность человека лоскутом ткани?» – вопрошала она себя, и в глазах её вспыхнул огонь разочарования. К себе. К этому миру.

Клариса всегда осознавала, что она призрачная тень, которая вечно скользила позади своей сестры, утопая в её ослепительном свете.

Изо всех сил, стиснув зубы девушка возводила неприступную крепость на лице, отгораживаясь от ядовитых насмешек.

Растерянный взгляд беспокойно метался по бурлящей толпе, тщетно выискивая знакомый каштановый островок волос.

Кристиана нигде не было.

«А вдруг... вдруг он предал?» – эта тревожная мысль пронзала сознание. Дышать становилось тяжелее.

«Он обещал...» – подумала девушка, пытаясь ухватиться за ускользающую нить надежды, словно утопающий за соломинку.

В воздухе разлился знакомый звенящий и ехидный смех, от которого по спине побежали мурашки. Рыжеволосая девушка вздрогнула, распахнув глаза и увидев перед собой Аманду.

Кузина, как всегда, была воплощением порока в шелках, словно сошедшая со страниц каталога «Лоск и Блеск», отравляя своим присутствием воздух вокруг. Гнилая и прекрасная. Клариса нега видела её каждой частицей своего тела, но других она словно магнит притягивала, заставляя толпу замереть в восхищении.

Держа в холеной руке бокал, она прикрыла алеющие губы ладонью и плеснув ядом, произнесла с навязчивым весельем, от которого веяло могильным холодом:

– Должно быть, моя милая кузина ненавидит, когда к ней столько внимания. – в каждом слове таился яд, гораздо сильнее, чем у любой из самых ядовитых змей мира. Было видно

по блеску глаз, что она наслаждаюсь тем в каком состоянии находиться старшая Колд.

Клариса пала под градом слов Аманды. Пухлые губы сжались в тугой узел обиды. Голова склонилась, и рыжий водопад волос скрыл лицо, где уже разверзлась бездна слез, горьких, как полынь, и жгучих, как крапива. Стыд и злость терзали душу, словно стая голодных волков.

Она отступила и без того шаткое равновесие сорвалось в пропасть. В ушах, подобно звону похоронного колокола, разливался насмешливый хохот аристократов.

«Очередной провал...»

Подлая тошнота подступила к горлу, мир померк, обратившись в вязкую, непроглядную тьму.

Клариса бросилась к выходу, ведомая лишь инстинктом самосохранения. Последнее, что запечатлелось в памяти, – ледяной взгляд матери, полный презрения. На бегу она задела кого-то плечом. Но ей было все равно. Единственным компасом в этом хаосе оставалось неумолимое желание – бежать, бежать без оглядки, пока этот кошмар не поглотил её целиком.

Достигнув своих покоев, Клариса разразилась потоком слез. Весь вечер она утопала в пучине отчаяния, чувствуя себя песчинкой, затерянной в безбрежной пустыне. В то время как зал гремел отголосками веселья и смеха, в её комнате царила ледяная тишина одиночества, поглотившая всякий проблеск надежды.

«Кристиан не пришел...»— эта мысль, как ядовитый шип, вновь и вновь вонзалась в её сердце, вызывая бурю истерик. Обещание, обернувшееся пустотой.

Когда сумерки похоронили последний отблеск праздника, Мила, скользнула в покои старшей сестры, где тишина, как саван, окутала всё вокруг. В её небесно-голубых глазах застыла тревога. С тихим вздохом она присела у края кровати, где под толстым одеялом пряталась старшая сестра.

Голос её, мягкий и ласковый, прозвучал в сумраке:

– Клариса, сколько же можно топить свои печали в этом море слёз?

«Она права, как всегда права,» – с горечью отозвалось в душе Кларисы, словно эхо в пустом колодце. Слова Милы, простые и ясные, резали её больную совесть. Ведь у младшей сестры, казалось, жизнь всегда текла, как песня, легко

и беззаботно.

Клариса же по-прежнему оставалась заточена в коконе одеяла, словно гусеница, не желающая превращаться в бабочку. Слезы катились по её щекам, оставляя влажные дорожки отчаяния.

Но вдруг иссяк последний ручеек слёз. В голове, словно на заколдованном экране, вновь и вновь прокручивались кадры сегодняшнего кошмара: Кристиан, так и не удостоивший своим присутствием, Мила, не сумевшая и даже не пытавшая встать на сторону сестры, презрительный взгляд матери – всё это обрушилось лавиной, погребая под собой остатки надежды. Гнев, ледяными пальцами сковавший тело Кларисы, пробудил в ней вулкан, дремавший доселе. Она, никогда не повышавшая голоса, вдруг ощутила, как внутри рождается буря. Сбросив с себя бремя одеяла, словно оковы, она поднялась.

И без того тёмные глаза, обычно скрывавшие бездну тайн, сейчас разверзлись, поглощая свет, зрачки расширились до пугающих размеров, а покрасневшие от слёз белки казались багровыми всполохами в ночи. Растрёпанные волосы, стали похожи на змей Медузы Горгоны, обрамляя лицо, искажённое яростью.

Мила вздрогнула, когда ярость старшей сестры прорвалась наружу.

Кларису трясло, эмоции бушевали в ней, грозя разорвать хрупкую оболочку тела:

– Почему? Почему ты не заступилась за меня?! – Голос Кларисы звенел, словно разбитое стекло, каждый звук резал слух Милы. – Вечно идеальная, вечно добрая! Почему ты никогда не поговоришь с матерью? За что она меня ненавидит? За что?! – С каждым словом, вырвавшимся из глубин её израненной души, новые потоки слез обжигали её лицо, словно кислота. Горечь обиды и непонимания плескалась в её глазах, словно в бездонном омуте.

Взгляд Милы застыл, как лед в зимнюю стужу, губы превратились в тонкую, непроницаемую линию. Поднявшись с пола, словно призрак, она бросила:

– Успокойся. Потом поговорим.

Слова упали на Кларису. Никогда прежде Мила не обращалась к ней с такой отчужденностью, с такой колючей вежливостью.

– Мила, почему я? Почему именно я?

В глазах блондинки вспыхнул холодный огонь, но, увидев, как по щекам старшей сестры хлынул слезный поток, она натянула на лицо маску мягкости.

– Клариса, милая, я не видела, что над тобой смеялись. Поверь, я бы за тебя горой встала, – проворковала она

Но Клариса не верила ни единому слову. Ложь сочилась из каждого звука или это ее обиженный разум, подобно кривому зеркалу, искажал правду, превращая искренность в обман? Сомнение грызло сердце, словно червь, разъедая остатки доверия.

– Клянусь, сестрица, такого позора больше не будет! На маскараде у герцога Феликса ты затмишь всех, а я стану твоим верным рыцарем, готовым обнажить меч при малейшем намеке на обиду!

Губы Кларисы трепетали. Мила робко протянула руку, желая коснуться ее, но та, словно обожженная, отдернула ее и пронзительно выкрикнула:

– Вон! Исчезни с глаз моих!

Возможно, когда пелена ярости спадет, Кларису и обо-

жжет стыд за эти слова, которыми она осыпала свою младшую сестру. Но сейчас в ее душе бушевала лишь разъяренная буря, не оставляющая места ни для сожаления, ни для прощения. В этот миг Мила для нее была словно красная тряпка для быка, напоминая о собственном унижении.

Когда Мила, словно разъярённая фурия, обрушила дверь на петлях и вырвалась из покоев сестры, девушка метнулась на балкон в одной лишь ночной сорочке.

Ветер трепал её волосы цвета осенней листвы, превращая их в огненный хаос, и хлестал по лицу, не давая слезам вырваться из плена ресниц.

– Как же я вас всех ненавижу! – вопль, сорвавшийся с губ был полон отчаяния и горечи. – Лучше бы я сгнила в земле!

Крик захлебнулся в ледяном дыхании ветра и в ответ лишь злобно завывала пустая, безжалостная тишина.

Глава 3

Клариса стояла в шумном зале, укрываясь за простенькой маскарадной маской. Она была белая, без каких-либо узоров. Украшение скрывало полностью лицо, пряча ужасные веснушки именно таковыми их считала девушка, и чуть курносый нос.

Люди на балу могли наблюдать только большие чёрные глаза сквозь прорези на маске. Рыжие волосы беспорядочно завивались, хотя на укладку слуги потратили много времени. Вечно непослушные и проблемные.

Громогласный хохот аристократов и слащавая мелодия, растекающаяся, словно патока, по залу, лишь усиливали ее жгучее желание раствориться в тенях, слиться с холодными стенами этого блистательного ада.

«Мне здесь не место», – билась в отчаянии мысль Кларисы.

Она кралась вдоль стен, мечтая стать невидимой, неосязаемой. Море пышных платьев, ослепительный блеск масок и шепот создавали иллюзию сказки, но для нее это была

лишь клетка. Каждое движение людей, каждое слово, казалось, било наотмашь, заставляя терять самообладание. Старшая Колд осознавала с горечью: этот фальшивый рай не для нее, в этой ярмарке тщеславия ей уготовано лишь место тени.

Каждый смешок в зале, казалось Кларисе, вонзался в неё невидимой иглой. Спина её выпрямилась, словно тугая струна арфы, готовая вот-вот лопнуть под бременем всеобщего внимания. Разум её блуждал далеко она вспоминала не дочитанный в поместье любовный роман. Как же сильно она хотела оказаться там, а не здесь.

Смех донёсся со стороны разодетых дам, и Клариса почувствовала, как их оценивающие взгляды стреляли в её сторону, она поёжилась, создавалось ощущение будто ледяные сосульки касались кожи.

Нервы, истончающиеся нити, готовы были оборваться. Лёгкая дрожь пробежала по рукам, а нижняя губа предательски задрожала, ведя тихую, отчаянную битву с подступающей тревогой, грозившей захлестнуть её

Голова закружилась, словно под натиском отбойного молота. Перед глазами плыли незнакомые лица и тяжёлая люстра. Это стало уже некой традицией. Постоянно Кларисса

ощущала себя в тисках паники. Становилась плохо или дурно на любых светских мероприятиях.

Её сердце стучало в унисон с гулом людей. Она пыталась сосредоточиться, но мысли ускользали, как вода сквозь пальцы. Каждый взгляд нагнетал напряжение, а каждый шаг поднимал волну паники. Клариса огляделась в поисках знакомых лиц, но всё, что она увидела, – это мир незнакомцев, каждый из которых, казалось, знал, зачем здесь находится.

«Что я здесь делаю?» – тянулось в сознании, набирая мощь. Девушка вздохнула, стараясь подавить нарастающий груз в груди. В ушах раздавался шёпот голосов, ещё больше загущая атмосферу беспокойства. Так много ожиданий, так много требований – и ни одного выхода.

Сделав глубокий вдох, она, полная отчаяния, бросилась на пустой балкон. В тишину покой и одиночество, туда где легче.

Сняв маску, Клариса крепко вцепилась в парапет, ощущая, как капли пота, словно слёзы, стекают по лицу. Девушка закрыла глаза, прислушиваясь к мерному шепоту ночи, который, уносил её далеко от мрачного бала. Вдалеке слышался звук музыки, но она уже не могла его воспринимать – в её голове царило целое ничего, мир снаружи перестал существовать.

Клариса глубоко вдохнула, ощущая благоухание свежей зелени и ночных цветов, которые расстели свои ароматные запахи в темноте. Её мысли текли в унисон с ритмом спокойствия, заполняя пустоту, которая образовалась в сердце после того, как она покинула пышный зал, полный вальсов, смеха и неприятных её сердцу людей. Здесь, среди звёзд, она могла быть сама собой, без маски и притяжения несдержанных ожиданий.

Приятная прохлада вечерней улицы нежно окутывала трепещущее сердце, словно лёгкий шёлк. Журчание реки внизу, звенящее своей мелодией, придавало сил и возвращало чувства к жизни.

Клариса с умиротворённой решимостью старалась регулировать дыхание, стремясь избавиться от нахлынувшей паники.

«Как же я устала», – с горечью подумала она, поднимая взгляд к безбрежному звёздному небу.

Её рыжие волосы, переливавшиеся в свете луны, казались огненно-золотистыми, контрастируя с мраком ночи.

Сердце её сжималось от сомнений. Почему именно ей вы-

пала эта участь – чувствовать себя не в своей тарелке, когда окружающие ей люди сияли уверенностью?

Вдруг звезда, яркая и крупная, пронеслась по небесной глади. Клариса остановилась, затаив дыхание, словно искала ответ на свои терзания.

– Может, я слишком строга к себе? – шёпотом произнесла она, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза. В такие моменты кем-то другим быть не было бы проще, но не слишком сильно хотелось верить в собственные силы.

В каждой звезде она искала утешение, но лишь тоска звенела в глубине души.

Тишина улицы обволакивала её, а дыхание ночи шептало о надежде, что однажды она сможет расцвести, как цветок в рассветных лучах и перестанет быть тенью.

Она прикрыла глаза, и усталый вздох, сорвавшись с губ, потонул в вечерней тишине. Голова бессильно опустилась на перила, требуя всего одного – покоя.

Боль в висках, пульсирующая, словно набат, отголосками пережитого унижения, заставляла её лицо искажаться гримасой страдания.

Когда Клариса вновь распахнула веки, в мутных водах реки мелькнуло нечто, ускользающее от взгляда. Словно зачарованная, она наклонилась ниже, пытаясь уловить ускользающую реальность. В её глазах плескалось лишь недоумение, чёрные омуты, жаждали разгадки.

По реке, повинувшись течению, неслись будто погребальные венки из лепестков, розы, являя взору зрелище скорбной, но завораживающей красоты. Черные и алые мазки отражались в зыбкой воде, в танце лунного света, заставляя сердце девушки трепетать.

– Цветы?.. – прошептала рыжеволосая девушка, в голосе звучало недоумение, а пальцы судорожно вцепились в холодные перила, пытаясь удержать ускользающую реальность.

Опустившись ниже, она жадно вглядывалась в таинственный гобелен, сотканный из воды и бутонов. Каждый цветок пылал невысказанной историей. Впрочем, это лишь буйная фантазия Кларисы, оплетала реальность.

Течение, несло цветы прочь от берега, а взгляд её глаз устремился к неясной фигуре, плывущей в призрачном хороводе этих дивных растений.

– Человек?

Рыжеволосая девушка нахмурила лоб, погружаясь в раздумья. Ситуация вокруг неё казалась нереальной. Что за нелепый человек мог бы находиться в воде столь поздним вечером? Ещё и безмятежно, как, будто не ведая об окружающем мире, пlying на спине.

Лунный свет мягко касался поверхности воды, создавая завораживающие лучи, которые переливались вдоль тела.

Взгляд Кларисы, словно зачарованный, скользнул по обнажённой ноге. Он медленно восходил выше, и в груди, тяжёлым комом, начала зарождаться неясная тревога, касаясь её сердца.

«Почему человек нагой?» – мысль, словно вспышка, пронзила её сознание, оставив после себя лёгкое чувство недоумения.

Взгляд Кларисы, проскользнул выше по молочному бедру, усыпанному родинками, но цвет кожи явно был нездоровый, какой-то болезненный. Старшая Колд тяжело сглотнула накопившуюся во рту слюну. Складывалось ощущение, что она наблюдает за чем-то запретным и неправильным. Плоский живот, вопреки всем девичьим опасениям, оставался тих,

как гладь пруда в эту ночь, а грудь, словно наливное яблоко, манила своей невинной формой, но не вздымалась. Черные, мокрые волны волос, окутывали плечи, прикрывая соски, похожие на два спелых зернышка граната.

Клариса задышала тяжело, словно загнанный зверь. Когда взгляд достиг лица... пришло осознание.

– Аманда? – прошептала Клариса, и этот звук, словно хрупкий лед, треснул под тяжестью звенящей тишины, разлетевшись осколками по пустому балкону.

Ненавистная кузина лежала неподвижно, ее лицо застыло маской безмолвия, она не реагирует.

Тошнота, как ледяной капкан, сдавила горло, вырвав из Кларисы болезненный крик, полоснувший воздух, подобно битому стеклу. Всё происходящее казалось зловещим сном, кошмарным видением. Аманда не дышала. Она тысячу раз представляла этот момент, лелеяла в мыслях ее уход, желала ей смерти, как отмщения, но сейчас, глядя на бездыханное тело, она осознала, что искренне этого не хотела. Никто не заслуживает такой участи. Или всё же заслуживает? Этот вопрос вонзился в ее сознание, порождая бурю противоречивых чувств. Из омута тревожных мыслей она вырвалась самостоятельно.

– Кто-нибудь! – отчаянно воскликнула Клариса, стремительно бросившись к двери, что вела в банкетный зал, в поисках помощи.

Страх окутал девушку, проникая в каждую клетку её существа. Перед внутренним взором, словно выжженная на сетчатке глаза, стояла жуткая картина: обнажённое тело куклы, безжизненно раскинувшееся внизу.

У двери Клариса тщетно пыталась обуздать волну паники, захлестывающую её. За тонкой дверью лились беззаботные голоса и смех гостей, беспечно пирующих в тени нависшей смерти. Девушка не могла их осуждать за незнание, за веселье, но ком отвращения ко всем людям в зале накатил новой волной. Глубокий вдох не принёс облегчения – сладковатый запах свежей выпечки и приторный аромат цветов лишь усилили тошнотворную тревогу. Ноги налились свинцом, прирастая к паркету, парализуя волю.

– Кто-нибудь! – снова сорвался с её губ дрожащий, надтреснутый шёпот, утонувший в шуме веселья.

Клариса не знала почему не зайдёт в помещение, не обратит внимание гостей на себя и не расскажет, что только что увидела. Она боялась столкнуться с осуждением и призранием снова. Почему-то в голове поселилась назойливая мысль,

что люди смогут неправильно всё понять. А если её обвинят в убийстве? Холодок пробежался по коже. Она мотнула головой избавляясь от глупостей терзающее её сознание. Клариса могла сколько угодно прокручивать в голове эту ситуацию, но труп никуда не исчезнет.

И вдруг в груди распустилось болезненное, почти невыносимое желание вновь взглянуть вниз где ждала её кошмарная реальность. Аманда.

Осторожно, на дрожащих ногах, рыжеволосая девушка приблизилась к краю, но при виде тела, которое всё ещё уносило течение, у неё вырвался вскрик. Зачем она мучает свой взор этой картиной? Но так быстрее верилось в происходящие, это всё реальность.

Сглатывая ком в горле, Клариса ощутила, как ноги наливаются ватой, и рухнула на холодный бетон. В момент падения взгляд невольно зацепился за черную кляксу, зловеще расплывшуюся вдоль реки. Больно ударившись копчиком, она выругалась себе под нос. Вскрикнув от ушиба, она поползла к парапету, с мучительной неохотой заглядывая снова вниз, желая увидеть то, что уже знала, – безжизненное тело в ледяной воде.

Клариса прищурилась, силясь различить, кто или что мая-

чит на берегу. Внезапно глаза её распахнулись в немом изумлении, губы задрожали от подступающего ужаса. На кромке песка стоял человек – в этом она не сомневалась. Черный плащ метался вокруг его фигуры, подхваченный порывами ветра. Взгляд её замер на странной маске, скрывающей лицо незнакомца. Белоснежная, с вычурными золотыми прожилками, она словно сошла с лица придворного шута. Колпак с звенящими бубенцами прятал под собой даже цвет волос.

Издалека невозможно было уловить цвет его глаз, но холодное волнение, сотканное из страха и предчувствия, уже заполняло её душу.

«Он наблюдает за телом... Неужели это и есть убийца?»

Клариса медленно поднялась, используя шершавый парпет как опору. Мышцы ныли, протестуя против каждого движения, но леденящий страх перед незнакомцем заставил боль отступить в тень. Она напряженно вслушивалась в приглушенные звуки, доносившиеся с берега, пытаясь различить хоть что-то в ночной тишине. Мужчина в темном плаще оставался неподвижен, словно изваянный из ночи, – мраморная статуя, застывшая в ожидании.

Девушка сразу начала прокручивать в голове кому из гостей могла бы принадлежать данная маска, но к своему со-

жалению не смогла вспомнить, хотя что уж здесь врать она никогда не смотрела никому в лицо на подобных балах.

Внезапно он сделал шаг вперед, и сердце Кларисы бешено заколотилось в груди, словно пойманная в клетку птица. Каждое его движение, плавное и хищное, излучало ауру сдержанной мощи и смертельной опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.